

И.Л. Волощик (Минск, БГУ)

СВОЙСТВО РЕФЛЕКСИВНОСТИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Как и все науки, лингвистика имеет собственный категориальный аппарат, лишь частично используя общепhilosophические категории. Лишь в некоторых работах последовательно применяется математический [1] и философский [2] категориальный аппарат в лингвистических исследованиях.

Математизация представлений, в частности, теоретико-множественное отражение лингвистических объектов разных уровней, облегчает ввод фактов в компьютер. Язык-система представляет собой несомненную иерархию множеств, подмножеств, подподмножеств и т. д. Поэтому теория множеств в приложении к языку позволяет выявить ряд важных свойств, в частности, лингвистические рефлексивность, транзитивность, симметричность.

Наиболее полное в математическом плане представление о свойствах рефлексивности, транзитивности, симметричности дано в книге П.С. Александрова "Введение в теорию множеств и общую топологию" [3]. Правомерность использования данных понятий в качестве терминов лингвистических обоснована в монографии В.А. Карпова "Язык как система" [2].

Представляя рефлексивность как лингвистическую категорию, приведем ее определение. Рефлексивность – это эквивалентность некоторых элементов самим себе, т. е. тождественность по каким-либо заданным признакам (признаку). Рефлексивность в терминах симметрии – это симметро-асимметрия формы и содержания, т. е. сохранение одних признаков и несохранение других при некоторых изменениях в системе.

В работе В.А. Карпова доказано, что для выведения рефлексивности как свойства нужно минимум два объекта: рефлексивный и нерефлексивный, так как наличие какого-то свойства у одного объекта лучше всего выявляется при его отсутствии у другого объекта.

Рефлексивность в широком понимании – это принадлежность к одному классу, категории и т. п. Рассмотрим следующие слова: *стол* – *столик* – *настольный*. Все эти слова имеют общий корень, т. е. они рефлексивны по общему понятийному значению. Слова *стол* – *столик* принадлежат к одному классу – классу существительных, следовательно, они рефлексивны по этому признаку; эти же слова по отношению к слову *настольный* являются нерефлексивными по классу. Можно говорить о рефлексивности слов *стол* – *столик* по роду – оба мужского рода.

Покажем возможность приложения свойства рефлексивности применительно к языковому материалу на разных уровнях.

На уровне фонетики рефлексивность можно рассматривать как постоянную отнесенность какого-то элемента к какому-то подклассу. Это

служит разделением звуков на гласные и согласные (и тогда гласные *а, о, и, у* принадлежат одному подмножеству). Внутри подмножества *о* и *у* рефлексивны по признаку ряда и т. п.

Во-вторых, рефлексивность связывается с процессами произношения слов, и тогда объекты могут быть как рефлексивными, так и нерефлексивными. Рассмотрим процесс оглушения-озвончения согласных звуков и покажем его рефлексивно-нерефлексивный характер. Как известно, в речи звуки в изолированном состоянии почти не встречаются, поэтому необходимо рассмотреть, как звуки действуют друг на друга, как изменяется артикуляция одного звука в зависимости от артикуляции другого.

Как следует из определения, рефлексивность есть тождественность элемента самому себе по одному или нескольким признакам. Каждый из согласных звуков при определенных условиях может быть как рефлексивным, так и нерефлексивным. Поскольку каждый из звуков имеет свой набор артикуляционных признаков, то будучи произнесенным отдельно, он сохраняет свое качество и эквивалентен, рефлексивен самому себе. Но в речи, в зависимости от общих условий произношения (позиции в слове или вследствие взаимодействия с другими звуками), звуки могут сохранять или терять свою тождественность, становиться нерефлексивными себе по одному или нескольким признакам.

Это происходит в ряде случаев, мы же приведем в качестве иллюстрации лишь некоторые:

1) в конце слова звонкие шумные согласные оглушаются, теряют свою тождественность, т. е. становятся нерефлексивными, выступают как глухие шумные согласные: *ро(г)а – ро(к)*, *ду(б)а – ду(п)* и т. д.

2) в положении перед глухими шумными согласными звонкие шумные согласные оглушаются, теряют свою тождественность, т. е. становятся нерефлексивными, и выступают как глухие шумные согласные: *ско(б)очка – ско(п)ка*, *бере(з)а – бере(с)ка* и т. д.

3) в положении перед звонкими шумными согласными глухие шумные согласные озвончаются и на их месте выступают звонкие шумные согласные: *(з)делать*, *(з)бить*, *о(д)бросить*.

Как видно из приведенных примеров, во многих случаях согласные звуки в потоке речи утрачивают некоторые из своих артикуляционных признаков, частично или полностью теряя свою тождественность, т. е. становятся нерефлексивными себе по одному или нескольким признакам, сохраняя свою тождественность, оставаясь рефлексивными себе лишь в сильной позиции.

Здесь же следует рассматривать и процессы ассимиляции, диссимиляции, гаплогонии, диэрезы, эпентезы, метатезы, поскольку сущность этих процессов заключается во взаимовлиянии (взаимодействии) между артикуляциями предыдущего и последующего звуков.

Таким образом, некоторые положения фонетики можно заново сформулировать через призму рефлексивности-нерефлексивности.

Сопоставление фонемы и звука показывает, что фонема как устойчивое представление (эталон звука) всегда является рефлексивной, а звук может быть рефлексивным или нерефлексивным.

Рефлексивность можно связать с понятиями формы и содержания. Явление чередования представляет собой сохранение общего понятийного значения при некотором изменении формы представления, т. е. слова остаются рефлексивными себе по общему понятийному значению, но – нерефлексивными по форме представления: а) **н – ш** : *баран – барашек, ладонь – ладошка*; б) **д – с**: *завидовать – зависть, сладкий – сладость*; в) **з – т**: *анализ – аналитический, гипноз – гипнотический*; г) **т – ч – щ**: *свет – свеча – освещение*. Случаи а), б), в) отличаются от случая г), представляющего собственно акустические переходы одного звука в другой, тогда как в первых трех случаях происходит усечение согласной корня одновременно с присоединением суффикса.

Рассмотрим группу сложных слов с компонентом **-вод**: *животновод, пчеловод, цветовод, садовод; пиццевод, волновод, воздуховод*. Основная масса сложений с компонентом **-вод** мотивируется глаголом "разводить" (пчел, цветы). Другая группа сложений с тем же компонентом **-вод** мотивирована глаголом "проводить". Как видим, один и тот же компонент **-вод** имеет несколько значений, т. е. нерефлексивен себе по значению. В данном случае нерефлексивность связана с омонимией. Это дает нам возможность выдвинуть гипотезу о том, что в ряде случаев обнаружения нерефлексивности исследуемых объектов в других предметных областях, там должна обнаруживаться омонимия. Таким образом, сугубо лингвистическое явление омонимии может и должно существовать в других областях знания, так как омонимия представлена в виде нерефлексивности как более общей философской категории.

Другая картина предстает при рассмотрении сложений с компонентами преимущественно интернационального характера, например, **-лог** (*текстолог, психолог*); **-метр** (*рентгенометр, виброметр*); **-бол** (*волейбол, мотобол*), где вторые компоненты сложных слов имеют одно значение, т. е. рефлексивны себе по значению.

На уровне словоформ, кроме рефлексивности/нерефлексивности слов по лексическому значению, необходимо говорить и о тождественности слов себе по грамматическому значению. Так, отдельно взятые словоформы *дом, стол, гром* не обладают грамматической однозначностью, они могут быть формой им. или вин. пад. Снятие грамматической нерефлексивности, как и лексической, возможно только в комбинаторике, на уровне композиций, когда появляется возможность однозначного определения грамматического значения словоформы: *гром гремит и слышу гром*.

Определяя свойство рефлексивности на лексическом уровне как тождественность слова самому себе, понимаемую так, что одной форме соответствует одно значение, а нерефлексивность как неоднозначность формы в силу закрепленности за ней (приписанности ей) нескольких значений в системе языка, мы можем говорить о

рефлексивности/нерефлексивности слов, взятых отдельно и в тексте. Наиболее ярко рефлексивность-нерефлексивность слов видна на материале ассоциативных словарей, когда на слово-стимул приводится список слов-реакций, отражающих наиболее частые семантические связи данных слов. Нерефлексивность слова самому себе по лексическому значению находит свое выражение (и подтверждение) в расслоении списка ассоциаций на самостоятельные семантические поля, позволяющие в комбинаторике снять неопределенность слова, однозначно отнести его к той или иной предметной области.

Обратимся к данным Словаря ассоциативных норм русского языка под редакцией А.А. Леонтьева. Рассмотрим список ассоциаций, приведенных (данных) на слово *курс*. Сразу можно выделить пять [4] семантических полей:

1) курс как "*систематическое изложение основ какой-либо науки, а также отдельной ее части*". Это следующие слова-реакции: лекций, наук, физики, математика, истории, психология и т. д.;

2) курс в значении "*год, ступень обучения в высшем и среднем специальном заведении*" вызывает следующий ряд ассоциаций: первый, второй, четвертый, пятый и т. д.;

3) курс в значении "*направление движения, путь*" дает список: прямой, корабль, правильный, вперед, восток, на юг, земля и т. д.;

4) "*законченный ряд, цикл каких-либо процедур, упражнений*": лечения;

5) "*цена, по которой (в данное время) покупаются или продаются на бирже ценные бумаги, векселя или товары*": денег, цифра.

Список ассоциаций, приведенных на слово *экзамен*, представляет собой однородное семантическое поле, поскольку данное слово имеет одно значение – "*проверочное испытание чьих-либо знаний*", что свидетельствует об отсутствии трудностей при восприятии слова *экзамен* в отличие от слова *курс*, допускающего выбор нескольких значений.

Таким образом, многозначные слова, взятые отдельно, вне контекста, ("в чистом виде"), не обладают лексической определенностью, т. е. нерефлексивны себе по лексическому значению в отличие от слов, имеющих одно значение. Нерефлексивность многозначных слов снимается на уровне композиций, в комбинаторике, например, *курс корабля, курс лечения, первый курс* и т. д. Однозначные слова обладают иной способностью: они, наоборот, в комбинаторике могут приобретать не присущее им изначально, то есть переносное значение, например: *хрустальная мечта, золотой человек*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекомцев Ю. К. Введение в формальную лингвистику. М., 1983.
2. Карпов В.А. Язык как система. Минск, 1992.
3. Александров П. С. Введение в теорию множеств и общую топологию. М., 1977.
4. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974.